

В теории этногенеза за авторством выдающегося историка Льва Николаевича Гумилёва рассматривается не культура цивилизаций, как у Н.Я. Данилевского, Арнольда Тойнби, Элвина Тоффлера, а поведение суперэтносов, время жизни которых может превышать 1000 лет. Стать одним из "ферзей" XXI века и нескольких следующих столетий, безусловно, имеет шанс Индия. Именно её суперэтническую динамику мы и обсудим, постаравшись протянуть нить из прошлого в будущее.

ИНТЕРНЕТ привёл к тому, что всё меньше людей готовы читать большие тексты и тем более вдумываться в детали. Поэтому стоит действовать так, как советовал преподаватель одного из авторов, излагавший некую гуманитарную дисциплину. В конце ответа незадачливому студента, отметка которого находилась под вопросом, он просил: "Подумайте и сформулируйте суть вашего ответа в одном абзаце". Так же поступим и мы, начав с главного.

Основные суперэтносы Индостана, индуистский и мусульманский, так же как и народы китайского и североамериканского суперэтносов, находятся в акматической фазе — наиболее напряжённом и пассионарно обильном периоде любой суперэтнической истории. Хронологическим маркером индийской акматикой можно считать убийство Индиры Ганди в октябре 1984 года. Гибель в результате теракта декабря 2007 года Беназир Бхутто — дочери и политической наследницы президента Пакистана — лежит уже в логике поведения этой новой фазы этногенеза. Императивом в этой фазе является лозунг: "Не по-вашему, а по-моему)", а иллюзорной целью суперэтнического поведения выступает стремление к идеалу победы. По своему фазовому состоянию суперэтносы Индостана ничем не отличаются от суперэтносов Китая и Северной Америки.

А что будет происходить с языками народов Индостана? По мнению французского филолога Клода Ажежа, ключевыми факторами, определяющими распространённость языка, являются перспективы развития народа, который на нём говорит, технологии, которыми этот народ владеет, усилия, вкладываемые им в то, чтобы познакомить мир со своей культурой.

Языковая картина Индостана очень пестра. В качестве государственных выступает 21 язык, в то время как элита общается на английском. По данным 2024 года, численность носителей основных языков Индостана в млн чел. составляла: хинди — 345; бенгальский — 237; маратхи — 83; пенджаби — 82; урду — 70; буджарати — 58; тамильский — 79. Следовательно, носителей основных языков Индостана никак не менее 950 млн человек.

Конечно, это намного больше, чем носителей английского (380 млн) и тем более русского языка — 148 млн чел. Но общее число носителей языков Индостана всё-таки уступает по этому параметру Китаю. Там только на северо-китайских наречиях говорят более 940 млн чел., а ведь есть ещё носители сино-тибетских языков (51 млн чел.) и множество других заметных языковых групп. Например, общее число носителей только двух малоизвестных нам китайских языков юз и у достигает почти 170 млн чел., то есть уже превосходит число носителей русского языка. Таким образом, обитателям Индостана будет не только кем защищать, но и что.

Интригующий вопрос заключается в том, достаточны ли бурно растущее население, большое культурное разнообразие и современное высокотехнологичное оружие для того, чтобы XXI век стал в полном смысле слова веком Индии, то есть обеспечил ей лидирующую роль в мире? Для ответа нам необходимо учесть тот самый параметр текущей фазы этногенеза, а также историю предшествующего этнического поведения, характерного для народов Индии.

Вся этническая история сикхов являет яркий пример этнической самоорганизации, возникающей практически "с нуля" как результат роста пассионарности. Первым сикхом был проповедник по имени Нанак Дэв, родившийся в 1469 году на территории современного пакистанского Пенджаба недалеко от Лахора. Он принадлежал к тому же самому "нулевому" поколению религиозных реформаторов, что китаец Ван Янмин (род. 1472 г.) и западноевропейец Мартин Лютер (род. 1483 г.). Согласно традиции, после 25 лет путешествий Нанак организовал первую сикхскую общину-хальса. Следовательно, стартовая консорция сикхов возникла где-то в 1510-х годах, то есть одновременно с первыми консорциями движения Ханлинь в Китае. Перед своей смертью в 1539 году Нанак установил институт наследственных учителей-гуру из числа своих потомков. Особое место среди десяти гуру занял пятый — Арджан Дэв Джи (1563–1606 г.). Он построил главное святилище сикхов — Золотой храм, вокруг которого позже возник целый город Амритсар. Его задачами была составлена священная книга сикхов "Ади Грантх". Вообще правление Арджана стало временем быстрого роста сикхских общин, возникновения в Пенджабе новых деревень и городов, инкорпорации в число сикхов множества влиятельных выходцев из индуистов и мусульман.

Ещё большую пассионарность демонстрирует эпоха десятого и последнего гуру, Гобинд Сингх (1666–1708 г.) ликвидировал институт наследственных гуру, и власть потомков Нанака отошла общине. Вообще эпоха гуру в целом совпадает с инкубационным периодом сикхского подъёма. Вот почему вскоре после смерти Гобинда мы наблюдаем явное усложнение субэтнической структуры. Наряду с "мирными" сикхами выделяются сторонники военно-религиозного ордена Акали (Бессмертных). Страна делится на 12 территориальных округов — мисалей (1716 г.). Середина XVIII века становится временем военного усиления сикхов, которые ведут войны как с афганцами, так и с индийскими мусульманами-моголами. В результате в 1767 году возникло сикхское государство, представлявшее собой конфедерацию мисалей. В этногенезе конфедерация 1767 года — аналог усилившейся империи Цин при императоре Цяньлуне (1735–1796 г.) и Соединённых Штатов Америки образца 1776 года.

В начале XIX века границы сикхской конфедерации простирались от Кандагара до Тибета. Но по мере роста пассионарности росло и влияние военачальников, которые возглавляли округа, а также множилось конфликты между ними. Один из них, Ранджит Сингх, после 1799 года начал войну за объединение мисалей. В 1801 году он, вопреки обаячам, возложил на себя корону и к началу 1820-х подчинил себе не только Пенджаб, но и обширные зарубежные территории.

Однако со смертью Ранджита (1839 г.) его воинственные противники вновь сошлись в схватке. И тут в Пенджабе появились британские войска. По итогам двух англо-сикхских войн к 1849 году британцы заняли Пенджаб, а сикхи лишились собственного государства. Как видим, в этногенезе сикхов британские колонизаторы имели ту же самую роль, какую маньчжуры сыграли для Китая. Именно со времени британского господства началось движение

сикхов за воссоздание собственной государственности, а также усилилась их эмиграция, в том числе за пределы Индийского субконтинента.

Дальнейший рост пассионарности сикхов неизбежно вёл их по пути радикализации поведения, в том числе и в требованиях сикхского суверенитета. После 1979 года молодые сикхские сепаратисты окончательно встали на путь вооружённой борьбы с Индией и сделали своим штабом Золотой храм в Амритсаре.

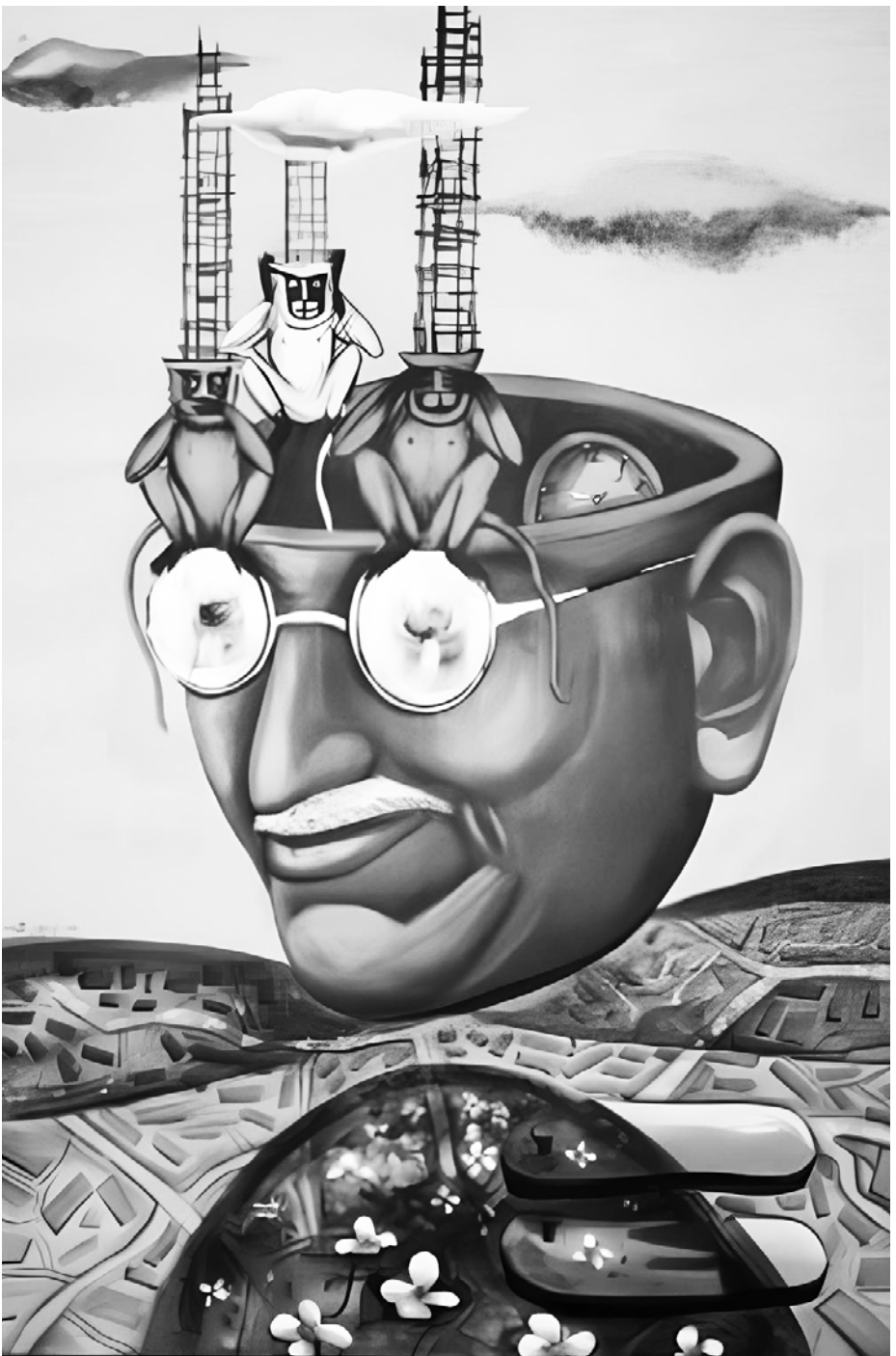
Детали штурма Золотого храма, предпринятого индийскими войсками под руководством генерала-сикха поздним вечером 6 июня 1984 года, подробно описаны с обеих сторон. Прямым следствием штурма стало убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди двумя её телохранителями-сикхами в октябре 1984 года. В ответ индусты убили около 1000 сикхов, поджигали их храмы и грабили магазины. Последовал массовый исход сикхов из индийских вооружённых сил. Ведь составляя тогда менее 2% в населении страны, сикхи занимали больше четверти мест среди военнослужащих в индийской армии. Штурм Золотого храма и убийство Индиры Ганди обозначили начало перехода индуистского суперэтноса к акматической фазе.

КОНЕЧНО, пассионарный подъём в Пенджабе коснулся не только сикхов: предки британского премьера Риши Сунака тоже происходили из Пенджаба. Но и пенджабские сикхи — не единственный пример пассионарного подъёма в Индостане. На границе Индийского субконтинента встречаем ещё один чёткий прецедент такой этнической самоорганизации, начавшейся после 1500 года нашей эры. Потомки раджпутов, разбитых великим моголом Акбаром (1542–1605 гг.), вынуждены были бежать в горную долину Непала, где пытались утвердить собственную династию Шах в местных княжествах. Успех выпал правителю по имени Дравья Шах. В 1559 году Дравья сумел создать собственное крошечное княжество к западу от современного Катманду. Он назвал его Горкха, откуда и пошло самоназвание его подданных — гуркхи. В этнической динамике Дравья Шах — аналог маньчжурского князя Нурхачи, провозгласившего Позднюю Цзинь: оба они — типичные деятели скрытого подъёма.

я непальского общества. В 1979 году с требованиями демократизации выступили студенты в Катманду, к которым присоединились тысячи жителей столицы. Правительство провело общенациональный референдум, но большинство вновь высказалось за сохранение традиционной схемы правления в королевём во главе.

"Возмущение 2036 бакалавров" маркирует самое начало перехода этнической системы Непала от явного подъёма к акматической фазе этногенеза. А спустя 11 лет начались по-настоящему бурные события. В 1990 году усилившаяся Индия ввела против Непала торговое эмбарго, и уровень жизни непальцев — и без того невысокий — резко снизился. Страну охватили массовые волнения, которые королевская власть подавила вооружённым путём, не останавливаясь перед многочисленными жертвами. На вновь разрешённых многопартийных выборах 1991 года националисты одержали верх над коммунистами и вроде бы начали проводить реформы, но беспорядки уже не утихали. В этих условиях непальские коммунисты-маоисты решили перейти к вооружённому восстанию. С 1996 года в Непале пылала гражданская война, в которой опорой маоистов служил так называемый Среднезападный регион, граничащий с Китаем и Тибетом.

Не собирались мирно править и непальские верхи. 1 июня 2001 года наследник престола Дипендра лично расстрелял во дворце почти всю королевскую семью во главе с королём Бирендрой. Затем принц вышел в прекрасный сад, взшёл на мостик, перекинутый над садовым ручьём, где и застрелился. В 2004 году столица находилась практически в осаде стихийно организующихся коммунистических партизанских отрядов. Видя безвыходность положения, новый король Гьянендра совершил очередной государственный переворот: распустил парламент, арестовал ведущих политиков, запретил партии и ввёл цензуру. Ответом возмущённых непальцев стала широкая поддержка борьбы коммунистов. К концу 2006 года в ходе действительно народной революции власть короля пала. Показательно, что одним из первых мероприятий республиканцев стало лишение бывшего монарха индуистского титула "Волпожечие Вишну". Так Непал из религиозной монархии превратился в светскую демо-

ХОД СЛОНОМ

Сможет ли Индия стать одним из мировых лидеров в XXI веке

Резкое усиление Горкхи стало заметно в правление воинственного и предприимчивого Притхви Нараяян Шаха (род. 1723 г.). Он покорил соседние княжества Патан и Бхатгаон. Наконец, в 1768 году Притхви захватил Катманду, и с этого момента династия Шах управляла объединённым Непалом. Как видим, объединённое гуркхское государство возникло чуть раньше США и практически одновременно с сикхской конфедерацией.

Отсюда начался явный гуркхский подъём. В конце XVIII века потомки Нараяян Шаха продолжали территориальное расширение, смело вступали не только в войну с Тибетом, но и в вооружённые конфликты с цинским Китаем. В это же время в страну проникли британцы, и в марте 1792 года с ними заключили первый торговый договор. В 1810 году Непал пережил катастрофическое землетрясение с массовыми жертвами. Но ни людские потери, ни разрушение хозяйства уже не смогли необратимо ослабить страну. Правда, в результате англо-непальской войны 1814–1816 годов Непал был вынужден пойти на значительные территориальные уступки, особенно в южной части Непальской долины. Однако в отличие от огромной Индии, крошечное Королевство Горкха осталось независимым. Полностью подчинить государство гуркхов могущественная Британская империя не смогла. Гуркхи же получили возможность служить в британских колониальных войсках и активно участвовали, например, в подавлении восстания сипаев 1857–1859 годов.

А в сентябре 1846 года авантюрист Джанг Бахадур произвёл в Непале государственный переворот. Он перебил самых знатных непальцев, собравшихся на переговоры в столичном особняке Кот. Династия Шах пала. Резня в Коте и смена династии представляют нам аналог движения тайпинов в Китае, начавшегося в 1850 году.

Теперь править Непалом стали премьер-министры, выбиравшиеся из потомков и приближённых Бахадура. Новая династия Рана проводила ограниченные реформы (было, например, запрещено ритуальное самоубийство вдов — сати), но в целом придерживалась политики крайней самозащиты. Исключение делалось только для британского резидента, должность которого была учреждена ещё по договору 1816 года.

Конец изоляции Непала положило лишь занятие Китаем Тибета в 1950 году. На Непал обрушился поток тибетских беженцев. Одновременно независимая республиканская Индия поставила перед собой задачу усиления своего влияния на монархический Непал. Уже на следующий год сторонники первой политической партии "Непальский национальный конгресс" (ННК), созданной по индийскому образцу, образовали Временное правительство. Тем не менее королевская власть вновь устояла, хотя и с большим трудом. Реальную модернизацию Непала развернул молодой король Махендра (1955–1972 гг.). В стране появились конституция, политические партии, учреждения образования, а также современные объекты инфраструктуры, за что король получил неофициальный титул "Строитель Непала".

Однако стране поневоле приходилось лавировать между двумя суперэтническими гигантами — Индией и Китаем. Основные политические движения — националисты ННК и коммунисты разных толков — просто отражали два варианта суперэтнического выбора. При этом воинственные гуркхи искренне считали, что политических оппонентов лучше всего убеждать силой. Как следствие, западная демократия приняла в Непале своеобразные формы. Вооружённые конфликты между коммунистами и националистами ширились, и это вынудило короля пойти на государственный переворот 1960 года, опять запретив политические партии.

Увы, никакого спокойствия стране в перспективе это не принесло. Пассионарность гуркхов росла, а вместе с ней росли амбиции и радикализм во всех сло-

кратию. Заметной политической силой в ней довольно быстро стали коммунисты, объединившиеся в 2018 году в единую Коммунистическую партию. Таким образом, сегодня Непал достоверно пребывает в начале акматической фазы.

Ещё один прецедент пассионарного подъёма после 1500 года различим у тибетских племён в Гималаях. Его истоком стала деятельность выдающихся проповедников тантрического буддизма Пемы Лингпы (род. после 1450 г.) и его сына Кунги Вангпо (род. 1505 г.). Правящая династия современного Бутана представляет восходящую линию их потомков. Дурарская война 1865 года и возникновение в 1907 году независимого Королевства Бутан являются историческими аналогами опийных войн в 1840–1860 годов и провозглашения первой Китайской Республики в 1912 году. Реформа 1998 года и последующая борьба с ассамскими сепаратистами в Бутане маркировали его переход в акматическую фазу этногенеза.

ТРИ ЛОКАЛЬНЫХ очага подъёма пассионарности от взрыва этногенеза около 1500 года — сикхский в Пенджабе, гуркхский в Непале и тибетский в Бутане — демонстрируют нам малые по масштабу, но достаточные по качеству подобию подъёма всей субконтинентальной Индии. Слабый стартовый рост её пассионарности скрыт в эпохе, когда выдающийся военачальник и писатель Бабур основал в 1526 году государство Великих Моголов. Тюрк по происхождению, он родился в 1483 году в Ферганской долине. Бабур, таким образом, является ровесником китайца Ван Янмина и всех выдающихся реформаторов, появление которых мы связываем с подъёмом пассионарности после 1500 года. Антитезой Моголам были так называемые Деканские султанаты, возникшие на юге одноимённого плоскогорья на исходе XV века. Начало деканского подъёма отмечено битвой при Таликоте 1565 года, в ходе которой оказалась окончательно разгромлена древняя Виджаянагарская империя. Позже империя Великих Моголов постепенно поглотила Деканские султанаты, но сама устоять не смогла. После смерти последнего Великого Могола Аурангзеба в 1707 году преобладание в Индостане впервые перешло от мусульман к индустам в лице молодой Маратхской конфедерации, возникшей в конце XVII века.

Однако раньше, чем усилились маратхи, на Индийском субконтиненте появились англичане. В 1639 году Британская Ост-Индская компания zaloжила на юге свой первый форт святого Георгия. Практически одновременно с Маратхской конфедерацией индусов в 1689 году было учреждено генерал-губернаторство компании для управления Индией. В 1757 году британцы одержали победу в знаменитой битве при Паласи (англ. Плесси), и за 15 последующих лет заняли всю Бенгалию. В итоге трёх войн с британцами в конце XVIII — начале XIX века маратхи тоже вынуждены были подчиниться. Британская Индия стала реальностью.

Британское владычество нельзя сводить только к господству европейцев над индусами. Аборигены наравне с англичанами участвовали в сражениях, что доказывает растущую пассионарность индийцев. Так, победитель при Плесси полковник Роберт Клайв имел в своём распоряжении менее 1000 британцев и более 2000 сипаев — в основном наёмников-пасван из Быхара, а также тех бенгальцев, которые были политическими противниками наваба Бенгалии Сираджа уд-Даулы. Об участии гуркхов в подавлении сипаев мы уже упоминали.

Но в целом практически вся фаза явного пассионарного подъёма у индусов представляла собой борьбу с колониальным владычеством англичан, так же как у китайцев — борьбу с политическим преобладанием маньчжуров династии Цин. По мере роста индийской пассионарности изменялось индийское поведение. Если в середине XVIII века индийские сипаи участвовали в британских

военных кампаниях, то ещё через сто лет они стали инициаторами великого народного восстания 1857–1859 годов. Функционально аналогичное движению тайпинов в Китае, движение сипаев вывело Индию из-под юрисдикции Ост-Индской кампании под непосредственное управление британской короны.

Рубеж XIX века явился временем, когда начали распространяться патриотические спортивные общества наподобие Анушилан Самити, где среди прочего обучали владению холодным оружием. Но в отличие от Китая, тайные общества среди индийцев не получили широкого распространения. Противостояние чужеземцам приняло у них оригинальный вид. Возникшая в 1885 году партия "Индийский национальный конгресс" в конце концов освоила концепцию Махатмы Ганди о ненасильственной борьбе за национальное освобождение. Конечным результатом стало появление в 1947 году независимых Индии и Пакистана. Как видим, несмотря на всё своеобразие этнического поведения, формирование суверенной этносоциальной системы Индии, как и в Китае, тоже произошло в конце фазы явного подъёма. Посему с точностью до фазы пассионарный потенциал Индии никак не меньше, чем у США или Китая.

НЕДАРОМ в последнее время на Индию стали смотреть как на страну демографического будущего. Ведь прирост её населения сейчас заметно выше, чем в Китае. Однако здесь стоит учесть, что изменения в численности суперэтноса, вообще говоря, явно зависят от пассионарного состояния. На старте этногенеза население начинает расти, но медленно. По мере роста пассионарности в явном подъёме этот рост ускоряется. Максимальный прирост населения наблюдается в конце фазы подъёма. Однако с переходом к акматике рост, напротив, замедляется. При переходе к скрытому надлому, когда эквивалентное значение пассионарности близко к значениям конца фазы подъёма, вновь начинается бурный прирост населения. В явном надломе он снова замедляется, а с переходом к инерционной фазе практически прекращается. Наконец, обскурация приводит за собой общую депопуляцию, когда прежний этнос вытесняется и ассимилируется новыми этническими системами.

При взгляде на изменение темпов роста населения Индии в XX веке мы наблюдаем лишь малый сегмент этой картины. В конце фазы явного подъёма, то есть каждое десятилетие с 1921 по 1981 год, темпы прироста населения действительно постоянно увеличивались и в итоге удвоились — с 11% в 1921–1930 годах до 24,7% в 1971–1980 годах. А вот с началом перехода к акматической фазе (после 1984 г.) прирост, напротив, стал монотонно замедляться и упал с 24% в 1981–1990 годах до 17,7% в 2001–2010 годах. Так что далее, в ближайшем акматическом состоянии 2025–2050 годов, прирост населения Индии, скорее всего, будет продолжать снижаться так, как это уже имеет место в Китае.

Кроме того, среди индийской политической элиты торжествует надуманное, хилистическое убеждение, сформулированное ещё Джавахарлалом Неру: "Географическое и историческое единство Индии, её единые традиции, ум и сердце нельзя изменить". Увы, этот тезис находится в прямом противоречии с суперэтнической историей Индии, если её понимать в контексте гумилёвской теории. Ландшафтное разнообразие и предистория поведения народов Индийского субконтинента таковы, что объективно как раз препятствуют монолитности. В первом приближении Индия — зона суперэтнического контакта между индустским и мусульманским суперэтносами. Вот почему самым ранним плодом независимости стало разделение Британской Индии сначала на Индию и Пакистан в 1947 году, а затем уже Пакистана — на Пакистан и Бангладеш в 1971 году. Да, современная объединённая Индия существует, но ведь

она, как и Непал с Бутаном, есть продукт достаточно редкого пассионарного состояния — высокого явного подъёма на Индийском субконтиненте в 1950–2000 годах. Однако вообще для условий Индостана политическое единство, безусловно, скорее исключение, нежели правило. В частности, сегодняшняя разница поведения между сикхским северо-западным Пятиречьем и индуистским южным плоскогорьем Декан устойчиво прослеживается вплоть до времён III тысячелетия до нашей эры. Тогда городская харалпская цивилизация севера тоже резко отличалась от неолитических аграрных культур юга.

Между тем дифференциация в поведении индустов и мусульман имеет место и внутри современной Индии. За 1951–2011 годы в населении Индии численность индустов возросла с 304 до 966 млн чел., а мусульман — с 35 до 172 млн чел. Таким образом, за 60 лет индусты увеличились по численности более чем втрое, тогда как мусульмане — почти впятью. В итоге на 2011 год в населении Индии индусты занимали 80%, мусульмане — 14%, сикхи и христиане — по 2% каждые, буддисты и джайны — менее 1% каждые. Как результат доля индустов в населении снизилась почти на 4,5% — с 84,1 до 79,8%, в то время как удельный вес мусульман возрос практически на эту же величину: с 9,8 до 14,2%. Сия тенденция сохранится и в перспективе. По данным прогноза Исследовательского центра Пью, к 2050 году численность мусульман Индии возрастет на 76% (до 311 млн чел.), тогда как индустов — только на 33% (до 1,3 млрд чел.), а христиан — лишь на 18% (до 37 млн чел.). Самый низкий прирост в 5% покажут буддисты и джайны.

В контексте этногенеза это означает, что аутоцидерами прироста являются представители древних народов, возникновение религиозных доминант которых вызвано к жизни взрывом этногенеза около 500 года до нашей эры. Напротив, лидируют в приросте те народы из индустов и мусульман, которые пережили пассионарный подъём 1500–2000 годов от взрыва этногенеза около 1500 года. При этом прогнозный прирост к 2050 году у мусульманских народов ожидается вдвое выше, чем у народов индуистских.

Таким образом, Индия медленно, незаметно, но неуклонно исламизируется. Значит, пассионарный потенциал мусульман Индии сегодня выше, чем у индустов. В таких условиях общая высокая пассионарность обитателей Индостана как зоны суперэтнического контакта будет способствовать этнополитической дивергенции, а не препятствовать ей.

Именно неопределённость суперэтнического контакта пока не позволяет сформировать по Индии даже такой ограниченный прогноз, какой уже можно дать по Китаю: событийный ряд акматической Индии ещё не проявился в достаточной мере. А неопределённость поведения этнически лоскутного субконтинента, где в условиях политической демократии западного образца соседствуют десятки народов, исповедующих пять разных религий, слишком велика.

В чём можно быть уверенным, так это в том, что правящей индийской элите предстоит очень сильно постараться, чтобы сохранить политическое единство своего разноплеменного и разнородного государства. Эти старания более всего потребуются ей в локальной пассионарной депрессии второй половины XXI века. Там вероятность нарушения (смещений) в фазовом течении этногенеза всегда резко возрастает.

Людей впечатляет государственный слоган Индии: "Лишь истина побеждает". Высокие моральные стандарты её выдающихся политиков приобрели широкую известность. Последним примером здесь стала Индира Ганди. После штурма Золотого храма она, вопреки мнению своих советников, не стала удалять своих охранников-сикхов, дабы не проявить неуважения к этому народу. Как мы помним, убили её именно эти самые сикхские охранники. Итак, советники оказались правы. Но нерациональный поступок, погубивший Индиру Ганди, остался в индийской истории в качестве морального ориентира.

Вячеслав ЕРМОЛАЕВ,
Георгий МАЛИНЕЦКИЙ

Иллюстрация: одна из работ современных индийских художников, вырабатывающих в искусстве особый стиль, свободный от подражаний